

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНОАРМЕЕЦ

сентябрь 1919

№

8

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ.

Декрет Совета Народных Комиссаров.

В целях улучшения социального обеспечения семей красноармейцев Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Повысить с первого сентября с. г. денежные пособия для членов семей красноармейцев, находившихся на иждивении последних и не имеющих иных средств к существованию.

2. Размеры пособий установить в соответствии с тарифными поясами, опубликованными Наркомтрудом 7 сентября с. г. в № 198 „Известий“ В. Ц. И. К. по нижеследующей скале:

Тарифн. пояс.	Число членов семьи:				
	1	2	3	4	5 и больше
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
I.	450	600	900	1200	1500
II.	360	480	720	960	1200
III.	300	400	600	800	1000
IV.	270	360	540	720	900
V.	240	320	480	640	800
VI.	230	280	420	560	700
VII.	220	260	390	520	650

Председатель Сов. Нар. Ком.

Вл. Ульянов (Ленин).

Секретарь Сов. Нар. Ком.

Фотиева.

Тарифными поясами называются районы Республики. Разница в размере пособий происходит от того, что в одних районах жизнь дешевле, в других дороже. Столицы Москва, Петербург, а также центр. губернии относятся к первым поясам, потому что жизнь там всего дороже. Губернии же хлебные, где все стоит дешевле, относятся к последним поясам. Значит, в Москве и Петрограде большая семья будет получать 1200—1500 руб., сумма очень значительная. Кроме того, члены семьи красноармейцев получают продовольственную карточку „Красная Звезда“, которая обеспечивает им дополнительный паек хлеба, сахара и соли.

Редакция.

СТАКАН

РАССКАЗ

приятно знакомыми. Весь настороженный, он вздрогнул.

— Ты что? Небось, сидеть пришел?—сердито крикнул дядя:—Пассажира дал Бог.

Илья вскочил, понимая, что дядя бранится не просто, смутно глянул вокруг, ничего не понял и чуть не грохнулся, потеряв с размаху равновесие.

— Ну, заклевал!—сипел дядя от машины, поворачивая книзу короткую стальную рукоять.

Глаза у него были от злости на выкате, и он мерил ими испуганного Илью. После вольного весеннего речного ветра жаркое дыхание топки, копоть и запах машинного масла сдавили грудь, и вдруг такой же, чем-то страшно знакомый, густой голос кочегара, непонятно-неприятный, трескучий и носовой, сказал из глубины:

— Ватифакс! А?

Он громко сам себе заржал.

— В чем дело? А?

Дядя смешно и глупо захихикал.

— Откуда ты такого выкопал?—продолжал голос от печки:—Бегемот... Трансатлантик... В чем дело, а?

— Племянничек, что ты поделаешь!—сказал с печальным вздохом дядя и покачал презрительно головою:—Именно, бегемот, соха-ковырялка—матушка. Смени-ка их благородие,—прибавил он голосом ниже в сторону Илья:—Небось, не кашу есть пришел.

«Офицер»—вдруг догадался Илья и разом понял, почему фигура у топки показалась ему такою жутко-знакомой. Вступила в память жизнь в полку, запасный батальон, долгое лежание в окопах. Фигура полезла в карман брюк, вынула белый платок и вытерла им руки.

— А нука, голубь, какие люди без греха?

Он стоял, засунув руки в карманы брюк и внимательно рассматривая Илью колющим

Мленький речной катерск «Урал», на котором ехал в расположение действующего отряда новый политический комиссар, отвалил ночью от глухой и незначительной пристани «Колычево». Илья, круглолицый, веснучатый парень-дезертир со вздернутым носом и большими, открытыми, наивными ноздрями, благополучно проскользнул в машинное отделение. Машинистом катера был его родной дядя, брат матери, и они оба решили податься на сторону белых. Все равно пропадать так или иначе, а у Колыча, слышно было, перебежчиков из прифронтной полосы зачислят в обоз.

— Чего стал?—окрикнул дядя Илью.

И Илья понял, что дядя—сильно не в себе. Торопливо он сбросил с плеч мешок и уселся на лавку, в уголок. Стало страшно: неужели какая беда? Сильно затрепыхало сердце, и воздух стал колом в глотке. Сквозь тусклый свет керосиновой коптилки он видел согнутую у растворенной жаркой топки спину кочегара. Машина коротко стучала, стрелка вакуумметра заметно выпрямилась над головой у Илья. В окно было видно, как косо начала удаляться пристань. Кочегар подкинул еще одно полено и выпрямился. Его лицо и вся фигура показались Илье не-

вглядом бегающих глаз, в которых точно не было зрачков. Дядя нагнулся над машиной.

— Полный ход! — крикнул сверху в рупор сдавленный голос командира, стоявшего у руля.

Подняв одно плечо и неловко ступая ногами, Илья двинулся к топке. Офицер качнулся, с силою толкнул его в грудь и крикнул:

— Тюря! Куда прешь?

Ход машины жутко отдавался в висках, и тяжело, в один раз с ним, стучало сердце. Катерок с силою резал сонную гладь реки, и журча, разбегалась пена. Вблизи лицо передетого в неловко висевшую блузу офицера было землисто-серо и ноздревато, как гречневый блин. Длинный нос, точно палка, выступал вперед и насмешливо морщился прямо в лицо Ильи. Блеснули верхние крупные белые зубы, и Илья сразу почувствовал на себе власть этого человека.

— В чем дело? Не знаешь? — продолжал офицер: — Подтяни брюхо.

Он щекотно-больно ткнул Илью пальцем в живот.

— Азбуку знаешь?

Илья просительно посмотрел на дядю, но тот притворался, что занят машиной, и Илья понял, что нужно ответить офицеру: знаю. Все это было неожиданно и вместе знакомо. Вспомнился полуротный, прапорщик Кара-Мурза, из армяшек, который любил задавать в роте такие же вопросы и которому, когда он спрашивал: „Что у тебя на плечах?“ — надо было, вытянувшись и вскакивая глазами в глаза, кричать не своим голосом: „Так точно, ваше благородие: разбитый горшок“.

Глупо и растерянно улыбувшись, он сказал, нагибаясь к топке:

— А то не знаю?

— Ну, и болван, сельди — козыри! Ватифакс!

Он довольно передернул плечами и опять весело заржал.

— В чем дело? А?

И вдруг зевнул. Зевая, сказал капризно-обиженно:

— А далеко ли... чорт его!.. Как его?.. До Уланова?

«Уланово» была последняя пристань, находившаяся в руках красных. Дальше следовали „Торги“, всего два дня назад захваченные белыми.

— Должно скоро, — урюмо ответил дядя.

Офицер улегся на лавку носками сапогов кверху и широко расстопырив ноги.

— А ну, голубь, какие же люди без греха?

Илья решил молчать.

— Нешто чайку попить пока до «Уланова»? — неожиданно спросил дядя, и Илья вдруг почувствовал, что дядя жалеет его.

Лежавший на лавке дрыгнул ногой.

— Хочу, чтоб ответил.

От печки шел палящий жар в спину, но вдруг еще большим жаром залило лицо. Кулаки сжались в смутной и лихорадочной дрожи, и ни с того, ни с сего почему-то пришел на память ехавший на катере низенький, коротко остриженный политический комиссар, бритый, худой и с блестящими черными глазами. Он сидит теперь, наверное, внизу, в тесном, досчатом кубрике, и не знает, что его участь уже решена, и перед самым «Улановом» дверь в кубрик будет завалена большим, тяжелым боченком. Об этом Илья узнал, когда еще уговаривался с дядею накануне отъезда.

А катер стучал и стучал, бесшумно полоскались стальные «кулисы», и, вывертываясь, торопливо приплясывал обильно намащенный «шатун». Стрелка монотра, приближаясь к красной заметке, показывала высшее давление. Катер, что есть мочи, спешил.

— Ну? — крикнул нетерпеливо дядя: — Не знаешь? Чему вас в ротах-то учили? Буква «люди» в азбуке — без греха. Аз, буки, веди... Не знаешь!

— Сельди козыри, просил я тебя! — обиженно сказал лежавший.

Потом спустил ноги и сел.

— Чай, так чай! Эй, ватифакс, подай погреб.

Илья оглянулся, нащупал глазами кованный судучек и подал.

— Открой. Чего боишься?

Илья покорно открыл. Офицер достал стакан и поглядел в него на свет.

— На! — сказал он, протянув его Илье.

Илья тревожно смотрел, не понимая. Стакан был сильно грязен.

— Ополоснуть, — пояснил дядя.

— Где? — спросил Илья и сам испугался глупости вопроса.

— Где? В реке.

И нельзя было понять, говорит ли сидевший серьезно или смеется. Илья вышел из машинного отделения на воздух. Слева, в отдалении, начался красный огонек бакана, отмечая мель. Когда он перегнулся за борт, чтобы зачерпнуть стаканом воду, сзади послышался дружный смех. Смелся и дядя. Илья понял, что стакан надо было сполоснуть не в реке.

Сдавленно сказал что-то в рупор командир. Илья не знал, кто он, и оттого страх и злоба пуше закрались в душу.

Оторвав взгляд от дымящейся легкими, проворно бегущими облачками поверности воды, Илья увидел довольно близко, за правым бортом, точно сразу выросшие из воды огни. Вздрогнув, он понял, что это и есть «Уланово», и что, значит, сейчас — конец. Катер продолжал упорно и плавно резать речную гладь. Вода казалась мертвой и жуткой. Бывало

страшно и на войне, но сейчас был совсем другой, особенный страх. Илья не мог его себе объяснить и только подумал опять почему-то о комиссаре.

«Сидит теперь в кубрике и не чувствует».

— Эй! — кричал ему из машинного отделения отвратительный голос непонятные и именно потому глупо-знакомые слова, значение которых, а также им подобных было в том, что они не имели ровно никакого значения, и это как раз занимало кричавшего: — Ватифакс! В чем дело? Сельди — козыри! Оборот в! Трансатлантик, ися сюда!

Не понимая, зачем это делает, Илья размахнулся, и ненавистный стакан, свистя в воздухе, далеко пролетел и цокнул в воду. Огни справа, за бортом, выросли. Теперь уже был явственно виден приближающийся темный силуэт самой пристани. Сдавленный голос командира сказал что-то в рупор опять: должно-быть, прибавить ход. Илья знал, что «Уланово» надо было пройти, не отвечая на окрики часовых. Он медленно опустил руку, в которой перед тем был зажат стакан. Сердце его билось удивительно спокойно и ровно, и грудь в первый раз за время, когда он вступил на катер, дышала широко, могуче и вольно. Зябкая сырость, забираясь под рубашку, приятно щекотала плечи. Он не знал еще, что сделает, но страх и неуверенность в себе разом покинули его.

— Ватифакс! Трансатлантик! Эй! — неслось из машинного отделения: — Однако же, чорт дер...

Кричавший, скрипя подошвами, вышел из машинного.

— В чем дело?

Он держал руки попрежнему, в карманах брюк, и голову склонил набок, но стоял спиной к машинному, и столкнуть в воду его было нельзя.

— Ты что, чудо-юдо стоеросовое? Где стакан?

— Упустил, — сказал Илья глухо.

Вышедший хотел шагнуть вперед, но остановился. Оба смерили друг друга глазами. Вдруг офицер сделал шаг назад и скрылся в машинном отделении. В рупор продолжали падать сдавленные слова команды. Илья стоял, внимательно прислушиваясь.

— Ты отвечаешь мне за него, — говорил офицер начальственным тоном: — расстрелять мерзавца!

Кто-то высунулся из двери. Илья узнал дядю.

— Топлива! — сказал он тихо, точно боялся, что его могут услышать.

— Хорошо, — ответил Илья тем же голосом, и оба они поняли друг друга.

Он вошел вслед за дядей, заметив, что за левым бортом сильно вспенилась вода: это командир клал руль налево, решаясь держаться дальше от пристани. Катер бежал вперед, точно в пустоту, и глухо и враждебно шумела за кормой вода.

Офицер стоял справа у топки, опустив руку глубоко в карман. Лицо его было внимательно и остро, нижняя челюсть выдвинулась

вперед, и глазами он следил за каждым движением Ильи. Илья молча стал у топки слева, поближе к машинной рукоятки, которая давала ход. Он был спокоен, зная, что будет действовать без промаха. Дядя занял свое обычное место. Он был бледен, но тоже спокоен.

Вдруг гулкий грохот заставил вздрогнуть кузов катера: Илья понял, что это командир завалил боченком дверь кубрика. Наступила тишина, и только зловеще стучала машина. Офицер медленно вынул из кармана руку, и черная дырка дула револьвера, внезапно мелькнувшего в его руке, направилась на дядин лоб. Все трое продолжали молчать.

— Полный ход! — пропищал голос командира из трубки.

И тотчас же вблизи грохнул выстрел. Один, другой. Это стрелял комиссар. Началась борьба.

— Кто иде-ет? — отдаленно пронеслось над водой, и смолкло.

Катер молча уходил вперед. Теперь огни «Уланова» явственно проплывали за бортом, тускло качаясь в туманной воде.

В-бах-ах-ах-ах... — прокатилось над рекой.

Сверкнул огонь, затрещали выстрелы. Пристань заволоклась дымом. Пули зачмокали в

воду и задикали по пароходной обшивке. Что-то страшно звякнуло над ухом: пуля разбила окно. Черная дырочка револьвера неотступно следила за каждым направлением дядиной руки.

«Сейчас будет поздно», — подумал Илья.

Кровь прилила к голове и жаркими струями покатилась по плечам.

«Раз, два, три!» — сосчитал он мысленно, и, откачнувшись, что стало в нем мочи ударил кулаком по руке, державшей револьвер.

Другую руку он ухватил стальную рукоятку машины и дернул ее кверху. И тотчас прекратился мерный стук. С шипеньем вспенил в воду выходящий пар. Задрожало, запрыгал на стене вакуумметр. Качнуло вперед, на-

зад, пищал в трубку испуганный голос командира. Что-то обожгло щеку. Острая боль проникла до плеча. Задыхаясь в яростной схватке, Илья увлек своего врага, ослепленный и оглушенный, вместе с собой на дно машинного отделения. Они жадно искали скрюченными пальцами у ворота друг друга, перекатывались один через другого, обжигаясь о раскаленную топку и калеча свои члены о металлические части машины. Вскоре к двум дыханьям присоединилось третье: это был дядя...

Еще долго гревели над рекою выстрелы. С берега никак не могли понять, что происходит на таинственном катере. Наконец в бе-

леющем сумраке первого раннего рассвета увидели, как на корме парохода появились какие-то двое. Они тащили что-то похожее на человека. Подняли на руки и, раскачав, бросили в туман, белым, непроницаемым облаком расстилавшийся по воде. Потом где-то кто-то голосом утопающего прокричал на реке.

Кинулись к лодкам и причалили, соблюдая меры предосторожности, к затихшему катеру.

На корме лежали двое: старый и молодой, обессиленные от ран и борьбы. Третий стоял в заваленном кубрике.

Где находился командир, было неизвестно. Может-быть утонул, спасаясь вплавь.

М. Криницкий.

Два стана.

С первых дней Октябрьской революции буржуазия и помещики пошли войной на рабочих и крестьян.

С первых дней Советской власти богачи и мироеды, сбросив с себя маску лицемерия, открыто показали себя врагами трудящихся.

Они пошли на все: на убийства, грабежи, погромы, на самую подлую измену, на ничем неприкрытый торг Россией, лишь бы задушить, раздавить рабоче-крестьянскую власть, лишь бы вернуть к себе былые права, свое канувшее в прошлое господство.

Мы твердо должны помнить ужасы старых помещичье-крепостных и буржуазных порядков, ибо мы должны знать, что во имя восстановления этих порядков борются денкинские и колчаковские банды.

Помня это, мы должны раз навсегда положить конец бессмысленным мечтаниям врагов трудящихся, мы должны своей победой, своими победами показать, что возврата к прошлому не может быть.

Мы должны помнить о своих завоеваниях. Мы должны знать, что лишь благодаря великой Октябрьской революции земля стала подлинно народной, что землей владеет лишь трудящийся, что невозможно более господство одного над жизнью и трудом сотен, тысяч и миллионов крестьян.

Мы должны помнить, что раньше и крестьянин и рабочий были лишь пасынками жизни, что они являлись лишь рабами, на долю которых доставался лишь жестокий труд, кормивший и поивший небольшую кучку людей. Только теперь, при своей власти, открывается трудящимся доступ к жизни, только теперь перед рабочими и крестьянами широко распахнулись двери к свету, к знанию, ко всему, что дает возможность бывшему подневольному рабу стать человеком в лучшем смысле слова.

Раньше, при старых порядках, можно было самым серьезным образом спорить, чье, собственно, положение лучше — четвероногого животного или трудящегося человека, его господина. Ведь, хозяин холил лошадь, ведь, о лошади беспокоились и щадили ее, понимая, что излишние труд, болезни вредно отразятся на организме животного. Иное отношение было тогда к человеку. Безжалостная эксплуатация, жесточайшее выжимание пота, продолжительная работа в грязи, в пыли, работа с самого малолетства, — вот постоянная и неизменная история жизни трудящихся, сводившая их преждевременно в могилу, бывшая причиной физического их вырождения.

Только теперь, при своей власти, трудящиеся добились возможности работать по силам, а не сверх сил. Только теперь все труженики имеют право на постоянную врачебную помощь, на пенсии, на случай старости и безработицы.

Не может при нынешних условиях человек остаться без работы, ибо наша страна теперь трудовое государство, в котором имеют право на существование лишь те, кто трудится.

Все эти права отняты и завоеваны трудящимися у своих былых господ.

История не только прошлой жизни, но и всей нашей революции показывает, что до тех пор, пока существует капитализм и капиталисты, происходит жесточайшая между ними и трудящимися классовая борьба. Одни хотят сохранить свои фабрики, земли и деньги для того, чтобы ничего не делать, других заставить работать на себя, а самим жить припеваючи.

Трудящиеся, понимая, что земля, фабрики, машины, заводы и т. п. дают барам возможность господствовать над беднотой, хотят взять все это в свои руки, передать своему рабоче-крестьянскому правительству, *наши-*

нализировать все то, что по существу должно принадлежать трудовому народу.

Ясно, почему буржуазия, помещики и капиталисты ведут против нас кровавую борьбу. Они торопятся, ибо знают, что каждый час промедления несет им смерть, приближает их к кончине старого буржуазного мира.

Настоящая война—подлинно освободительная война, ибо наша победа даст нам, рабочим и крестьянам, полнейшую свободу, разобьет цепи и доставит нам в удел весь мир. Вперед же, к победе!

За уничтожение мира насилия и за торжество рабоче-крестьянской власти, за укрепление Советского строя!
В. Рукин.

Просвещение народа в Советской республике

1. Знание—народу.

Всякое угнетение держится на темноте народа. Когда народ сознателен, он не дает кучке насильников из высших классов властвовать над собой.

Когда народ сознателен, он не станет отдавать свой труд, свое здоровье, свою жизнь для того, чтобы господа помещики и буржуа могли пользоваться всеми благами жизни.

Когда народ сознателен, он не захочет жить в нищете, холоде и сырости и глядеть жадными глазами на роскошную и беззаботную жизнь своих господ.

Вот почему царское правительство или, что то же самое, барское правительство держало народ во тьме. Оно боялось ввести всеобщую школу; а в тех школах, которые оно устраивало, оно учило простой грамоте, но не давало народу тех знаний, которые получали помещичьи и купеческие сынки в гимназиях и университетах. А больше всего царское правительство боялось, чтобы народ получал политические знания, то-есть чтобы знал государственные порядки, чтобы он знал, откуда берется народное богатство, кто его создает и кто им пользуется.

Оно скрывало от народа великую правду: народ создает хлеб, одежду, пути сообщения и университеты, но не пользуется ничем. Ему бросают кость, как собаке, чтобы он не умер с голоду, — вот и все.

Советская власть раскрыла глаза народу. Советская власть, плоть от плоти и кровь от крови народа, решила перевернуть вверх дном старый порядок.

Она сказала:— Народ, который создает все богатства, должен и владеть ими. А буржуа пусть или работают, или убираются из России. «Не трудящийся—да не ест!»—написала Советская власть на своем знамени.

Главной опорой старого режима была темнота народная; главной опорой Советской власти является сознательность крестьян и рабочих.

Вот почему, когда Советская власть стала во главе России, она провозгласила «знание—народу».

Она дала народу книгу и газету. Она взяла из рук капиталистов типографии и бумагу и печатает лишь то, что идет на просвещение народу. Из дворянских усадеб и купеческих особняков взяла она скрывавшиеся там книги и создала сеть народных библиотек.

Она дала народу школу, не простую школу грамоты, а настоящую школу знания. Школа в городе и деревне стала одинаковой, стала всех учить умственному и физическому труду, знакомить с жизнью природы и общества, с устройством государственных порядков. Прежде из сельской школы не было ходу, окончивши ее пельзя было поступить в среднюю школу, то-есть в гимназию. Теперь везде, в городе и деревне, устроена школа 1-й ступени для детей 7—13 лет, по окончании которой всякий ребенок переходит в школу 2-й ступени, где даются те знания, которые прежде были доступны лишь детям богатых.

Для всех раскрылись двери университетов и высших технических училищ. Теперь же, пока не все дети еще прошли через новые школы, Советская власть создает сотни краткосрочных курсов, где всякий рабочий и крестьянин может пополнить свои знания. Она

Молот рабочего, плуг крестьянина и винтовка красноармейца непобедимый триединственный мифовый союз

создала курсы для подготовки крестьян и рабочих в университеты. Она создала в Иваново-Вознесенске Политехнический Институт, где каждый рабочий может усовершенствоваться в работе.

Советская власть привлекает к делу распространения просвещения кружки рабочих и крестьянской молодежи. Вот что пишут, например, из Покровской волости. Там открылось 17-ть просветительных кружков молодежи, слившихся в один общий волостной союз. Эти кружки мобилизовали для дела образования всех грамотных, организовали повсюду народные чтения. Для этой цели каждая деревня разбита на группы от 15 до 20 дворов, для каждой такой группы, отведена особая изба-читальня. Каждая читальня устраивает два, три чтения в неделю. Иногда устраиваются лекции.

Кроме чтений и лекций, кружки молодежи устраивают спектакли, посещаемые крестьянами с необыкновенной охотой.

Нет теперь ни одной фабрики, ни одного союза, ни одной красноармейской части, где не было бы теперь клуба, или не влась бы культурно-просветительная работа.

2. Просвещение и Красная армия.

Те из красноармейцев, которые служили при царском режиме, знают, что такое была казарма в прежнее время. Солдата превращали в машину, которая могла хорошо продельывать ружейные приемы. Солдату внушали: берегись палки начальства, будь палкой для народа.

Советская власть идет обратным путем. Солдат, который сражается только из-под палки,—плохой солдат. На него плохая надежда. Только солдат-гражданин является опорой рабоче-крестьянской России.

Тучи... Тучи... С востока и запада,
Севера, юга—кругом.
Грозно горячею кровью закапало...
Слышите гром...

Клохчет, шипит, выползает кровавая
Старой Малороссии „дочь“...
Ждет не дождется, придет ли „бывалая“
Темная ночь...

Черные гады в подполье сползаются,
Смертное жало тая...

Сознание красноармейца—такое же оружие, как и винтовка. Вот почему просвещение красноармейца является главной заботой Советской власти. И она работает для этого, не покладая рук. Вот что сделано для этого за 1 только год.

В апреле 1919 г. числилось в Красной армии: школ грамоты—728, школ агитаторов 10, культурно-просветительных комитетов и комиссий—424, клубов—603, театров и театральных кружков—12, кинематографов—118, спортивных кружков—12, библиотек-читален—1,370, лекторов общеобразовательных—108, школ инструкторов—25, школ преподавателей—785, клубн. инструкторов—330 и спорт. инструктор.—30.

Но красноармеец должен не только учиться, но и учить других.

И, действительно, мы видим, как в прифронтной полосе, во многих деревнях, красноармейские ячейки сами устраивают митинги и лекции для крестьян, разъясняют населению, за что борется Красная армия, что несет Советская власть. Во многих глухих углах, где прежде при проходе нашей армии от нее разбегались по лесам, теперь на красноармейца глядят с уважением: он—не только заступник от грабежей и насилий колчаковских и деникинских банд, он—учитель. Он—не только брат рабочего и крестьянина, но он—старший, более сознательный брат.

Где этого еще нет, там красноармеец должен своим поведением и своей сознательностью снискать себе такую же славу.

Сильная духом и мощная телом Красная армия непобедима. Она раздавит нашу контр-революцию и пойдет рука об руку с восставшими братьями других стран. После победы она вернется к мирной жизни, озаренной светом знания и братского труда.

Семен Гарин.

Долго... упорно... впотьмах совещаются
Выбрать царя.

Как потушить запылавшую красную
Кровью рабочей... звезду.
Как задушить бы коммуно опасную?
Всех на узду!

Слышишь!.. Забили набаты призывные,
Яркое солнце встает.
Пахарь!.. Рабочий!.. В ряды коллективные
Время—вперед!..

И. В. Шувалов-Лапин.

Крестьянство, Советская власть и Коммунистическая партия.

ногда приходится слышать, особенно от темных крестьян, такие слова: Мы—за Советскую власть, но мы против коммунистической партии. Советская власть нам землю дала, она нам нужна, а коммунистическая партия

нас обидеть хочет. хочет всех в коммунистическую загнать, хлеб у нас даром отобрать и... — тут пойдут они столько небылиц про коммунистов рассказывать, что иной диву дается: что мол за оказия? А оказия очень простая.

Когда темный крестьянин, бедняк или середняк, коммунистов ругает и в пример им Советскую власть ставит, не свои слова он говорит, а чужие. Кулаковы это слова. Кулаки, которые эти слова темному крестьянину в ухо нашептывают, знают, зачем они это делают. Но не знают темные крестьяне, что из этого выйти может.

А выходит из этого всегда одно и то же.

Поверит крестьянин кулаковым басням про коммунистов и поможет кулакам с ними расправиться, — глядит, а уже и Советская власть от него ушла, а через некоторое время и земля помещичья уходит. Тогда чешет крестьянин затылок и думает: „Что за притча, — кажись, ударил по коммунисту, а самому мне больно“!

Так бывает всегда, и иначе не может быть. Землей, отобранной у помещиков, крестьянин владеет до тех пор, пока существует Советская власть, а Советская власть существует до тех пор, пока стоит у власти коммунистическая партия.

Вспомним как было у нас раньше: пока правила Россией социалисты—соглашатели с буржуазией, не было в России Советской власти, не было и земли помещичьей у крестьян. А как только взяли силу коммуни-

сты (большевики), так сейчас же всю власть Советам передали и декрет о земле объявили. Оглянемся вокруг, по соседству, и то же самое увидим. В Польше, в Эстонии, на Кавказе у власти стоят соглашатели—социалисты. А есть там Советская власть? Изгнаны ли помещики со своих земель? Нет, наоборот, польские соглашатели, наступая сейчас на Советскую республику, расстреливают всех тех, кто за Советскую власть, и сгоняют крестьян с земель помещиков.

Также и за-границей. Венгерские коммунисты, когда взяли верх над буржуазией и соглашателями, первым делом Советскую власть ввели и стали у своих помещиков и фабрикантов земли и фабрики отбирать. А теперь,

когда союзники с помощью румынских белогвардейцев задушили Красную Венгрию и силком на место коммунистов соглашателей у власти поставили (об этом вы, товарищи, наверно уже в газетах прочли), первым делом этих соглашателей было упразднение власти Сов тов и восстановление частной собственности на земли и фабрики. В Германии уже с ноября месяца существуют Со-

веты, но власть принадлежит не им, а учрежденке, и во главе правительства стоят все те же социал-подлецы, предатели рабочего класса, соглашатели. Они уже 9 месяцев разговаривают о социализации и национализации, но за все это время не удосужились даже помещичью землю отобрать. И не отберут, потому что не соглашателям с буржуазией отбирать имущество у буржуазии. Добровольно, по соглашению, ведь, буржуи награбленного ими у рабочих и крестьян добра не отдадут. Не соглашателя, а бороться нужно с грабителями—помещиками и капиталистами. Из всех же партий только одна партия революционного пролетариата — Коммунистическая партия не на словах, а на деле борется с помещиками и капиталистами за землю, фабрики и капиталы. И только через диктатуру пролетариата.

риата, через Советскую власть, власть революционных рабочих и крестьян, только через Советы — боевые органы рабоче-крестьянской революции может быть проведена в жизнь эта борьба рабочих и крестьян с капиталистами и помещиками.

И выходит, что крестьянину, если хочет он Советскую власть и землю помещичью в своих руках удержать, некуда от коммуниста податься.

Коммунист всему рабоче-крестьянскому делу голова. Это знают хорошо кулаки и все враги трудового крестьянства. Поэтому и стараются они снять голову рабоче-крестьянской революции. Начинают они с коммуниста, а дойдут до крестьянской земли. Им выгодно трудового крестьянина разорить, чтобы на этом деле самим поживиться.

Вот поэтому и наговаривают они крестьянам на коммунистов всякие небывлицы.

Но теперь всякий сознательный крестьянин уже знает, что коммунисты — не какие-нибудь

чудодеи, а все же братья-рабочие и крестьяне; знает он и то, что они насильно его в коммуны не будут гнать и никакой обиды ему не сделают.

Коммунисты — не враги крестьянину, а друзья

Крестьянину нужна земля помещика.

Если вернется помещик, он отберет землю у крестьянина, лишит его воли, возьмет опять в кабалу.

Советская власть защищает землю, волю крестьянина и его самого от помещика.

Советская власть жива до тех пор, пока сильна Коммунистическая партия.

Если будет побеждена Коммунистическая партия, рухнет Советская власть — ульвет земля из рук крестьянина.

Крестьянин останется таким же голяком, каким и был при царе.

Хочет этого крестьянин? — Нет. — Пусть же он помнит, — когда ему говорят: „Бей коммунистов“, — это значит: „Бей самого себя“.

Н. Надеждин.

Траурный марш.

Тише... Знамена склоните, —
Здесь умирали они,
Как золотистые нити
Были их краткие дни
Тихим и медленным шагом
Шествуйте мимо могил,
Высшим отмечены благом
Те, кто народ возлюбил.

В сердце ни грусти, ни боли:
Память о деле твоём,
Вечным искателям воли,
Вечную память поем.

Помни и помни рабочий,
Освобожденный трудом,
Умер восторженный зодчий,
Строя твой благостный дом.
В радости, в песне ли, в злобе
Подвиг его не забудь,
Красное знамя — над гробом,
Красные розы — на груди.

В сердце ни грусти, ни боли:
Память о деле твоём,
Вечным искателям воли,
Вечную память поем.

Н. Львов.

Как заботится рабоче-крестьянское правительство о семьях красноармейцев.

Призывая все новые и новые силы трудящегося населения в ряды Красной армии и возлагая на них защиту социалистического отечества, рабоче-крестьянское правительство в свою очередь, помимо всех льгот и преимуществ, которые оно предоставляет самим мобилизованным и добровольцам красноармейцам, берет на себя заботы об обеспечении их семейств. Будучи на фронте, наши доблестные защитники должны быть твердо уверены, что их семьи находятся под надежной защитой Советского правительства, и что ни одна из нужд их семей, их жен и детей, их матерей и отцов, их хозяйств не останется забытой и обойденной.

Неустанно заботится Советская власть о судьбе оставшихся семейств рабочих и крестьян красноармейцев.

Оторванных от своих семей хлебопашцев не должна тревожить участь их брошенных хозяйств. Признавая заботу об обсеменении полей борющихся за рабоче-крестьянское отечество красноармейцев делом республики, рабоче-крестьянское правительство возлагает на местные земотделы и сельские советы принятие всех мер для оказания помощи семьям красноармейцев в деле запашки и обсеменения полей: организацию мирской помощи, а в случае необходимости обязательных общественных работ, используя для этого инвентарь крестьянских, советских, коммунальных и товарищеских хозяйств, снабжение их в первую очередь посевным материалом. Семьям крестьян красноармейцев производится выдача ссуд на поддержание их хозяйств, на наем рабочих рук, на приобретение семян, живого и мертвого инвентаря. Особенно нуждающимся семьям выдаются безвозвратные пособия.

Конфискованное движимое имущество скрывшихся со своими семьями дезертиров распределяется, кроме сельскохозяйственных орудий и рабочего скота, между семьями красноармейцев из деревенской бедноты. Земельные же наделы, покосы, сады и огороды с сельскохозяйственными орудиями и рабочим скотом деревенским комитетам разрешается раздать во временное пользование отдельных крестьян, члены семей которых находятся в Красной армии. Часть собранных с полей дезертиров хлебов поступает недостаточным семьям красноармейцев. (Петрогр. и Шлиссельбург. уезды.)

Такой же заботливостью окружает рабоче-крестьянское правительство семейства горожан красноармейцев, принужденных бросить свои семьи в тяжелых условиях скученности городов и в условиях тяжелого продовольственного кризиса. Они освобождаются от взноса квартирной платы; все их жилищные нужды удовлетворяются в первую очередь особенно нуждающимся выдается пособие на турой: бельем, платьем, обувью. Их дети принимаются в первую очередь в дневные убежища, интернаты, колонии, школы. Им обеспечивается внеочередное прикрепление к столовым и продовольственным лавкам. Не трудоспособные члены семьи пользуются бесплатными обедами. Попрежнему получают свою долю ненормированных продуктов из заводских закупочных комиссий семьи мобилизованных красноармейцев. Им предоставляется право быть членами Центрального Рабочего Кооператива без уплаты вступительного взноса. Членам семейств, на которых с уходом главы семьи ложится вся тяжесть забот о прокормлении семьи, предоставляется право внеочередной регистрации на Бирже Труда. Женам красноармейцев, по возможно-

ИЛИ
КРАСНАЯ АРМИЯ
ИЛИ
БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

сти, предоставляются места их мужей. Красноармейцам, находящимся в хлебодородных губерниях, предоставляется право высылки своим семьям нормированных продуктов в виде посылок (2 посылки в месяц по 1 пуду каждая).

Всем семействам красноармейцев оказывается материальная помощь в виде денежного пайка нетрудоспособным членам семьи. Насколько велика эта помощь, можно судить по цифровым данным, приводимым Наркомсособесом, — в первую половину 1919 года отпущено 1.113.878.900 руб.

Все семьи красноармейцев переводятся в первую категорию. Они не подлежат уплотнению и выселению. Их вещи освобождаются от реквизиции.

Они освобождаются от всех видов государственных налогов, кроме натурального.

Семьи призванных железнодорожников пользуются правом бесплатного проезда (1 поездка в год) и льготными сезонными билетами. Они продолжают получать продовольствие в железнодорожных продовольственных организациях по тем же нормам, что и семьи непризванных.

Семьи убитых имеют право на получение пенсии, далеко превосходящей денежный паек.

Особенными льготами пользуются добровольцы — эти лучшие сыны своего отечества,

ушедшие добровольно в Красную армию на защиту Советской республики. Семьям добровольцев-земледельцев дается ежемесячное пособие на поддержание их хозяйств в размере 200 руб. с порайонной надбавкой.

Семьям добровольцев из служащих и рабочих предоставляется право получения со своего предприятия разницы между средним заработком и красноармейским окладом; семьям безработных красноармейцев — получения разницы между пособием безработных и красноармейским жалованьем.

Заботы рабоче-крестьянского правительства простираются и на семьи дезертиров, добровольно вернувшихся в данный им льготный срок, — их семьям, со дня явки дезертира, возвращаются всевиды пособий, которых они были лишены, как семьи дезертиров.

Неослабной энергией проникнута деятельность рабоче-крестьянского правительства по обеспечению семей красноармейцев.

Поистине отеческой заботливостью окружает рабоче-крестьянское правительство семьи красноармейцев, — и не в

этой ли спокойной уверенности в судьбе оставшихся близких родных и кроется та самоотверженная храбрость нашей армии, которая, несмотря на все трудности создавшихся условий, твердо ведет к окончательной победе над врагом?

Красная армия.

Чудо — Жар-птица ты, Армия Красная!
Очи Пожаром Всесветным горят,
Крылья — Восстанья знамена атласные,
Сердце — Страданья и Гнева заряд.
Огненно-красные крылья прорезали
Черные тучи и белый туман.
Не о тебе ль угнетенные грезиль
Национальностей разных и стран?
Птица Восстаний — Комета Коммуны,
Красно, победно над миром летишь
Криком великим, бестрепетно — юным

Будишь уставшую рабскую Тишь.
Сердце на крыльях Борьбы распинаешь,
Раны роняешь на землю росой.
Мощная, Красная — ты ли не знаешь:
Мир загорится сплошной полосой!
Красная Армия чудо — Жар-птицей
Реет, свершая вселенский полет.
Ей улыбается Мир краснолицый,
Солнце ей гимны Победы поет.

Дорогойченков.

Что дала Советская власть трудящимся.

Власть Советов.

Вот уже скоро два года, как существует в России *Советская власть*. Россией правят уже не царь с дворянами, не буржуи с их подручными—адвокатами и инженерами, а сами рабочие и крестьяне через свои *Советы*.

Советская власть—власть рабоче-крестьянская, власть трудовой мозолистой руки. Крепко бьет эта рука, но и крепко строит.

Два года уже бьет *Советская власть* врагов рабочих и крестьян, два года строит она новую жизнь.

Трудно дается ей строительство, мешают ей враги, но упорно и прилежно работают мозолистые руки новое, невиданное в мире здание—*Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика*—растет не по дням, а по часам.

Советская власть и борьба за мир.

Первым делом *Советской власти* после свержения буржуазного правительства была *борьба против грабительской войны*, затеянной мировыми буржуями, не поделившими своих барышей. *Советская власть* вывела Россию из этой грабительской войны. Русским рабочим и крестьянам больше не нужно лить кровь во имя того, чтобы сыпалось золото в карманы их буржуев; им нужно теперь только одно—добить своих буржуев и добиться от заграничных, чтобы никогда уже больше не воевать.

Для этого пришлось *Советской власти* создать *Красную рабоче-крестьянскую армию*. Эта армия за два года из слабых партизанских отрядов выросла в огромную регулярную боевую силу, она окрепла в боях и от победы идет к победе; она победила Керенского, Корнилова, Каледина, Краснова, Скоропашского и Петлюру, она добивает Колчака и могучей красной лавой уже растекается по Сибири, она бьет на севере англичан и финнов, железной стеной стоит она, отстаивая Петроград, и уже близится час, когда она, как тяжелый молот, размоет голову самого упорного, самого злейшего врага рабочих и крестьян—Деникина.

Два года тому назад *Красная армия* была самою слабою армиею в мире, теперь же без преувеличения можно сказать, что *нет в мире армии сильнее ее*. Почему так? Потому что все буржуазные армии сейчас, после четырехлетнего кошмара войны, охваченные революционной заразой, гниют, разлагаются на части, одна только армия, революционная армия *Советской России* крепнет и растет с каждым днем. Ее сплачивает, укрепляет, делает непобедимой единое сознание, единый дух, единая цель, единое стремление к борьбе за мир, за свободу трудящихся и за власть рабочих и крестьян.

Советская власть и крестьяне.

Крестьяне при царе стонали под ярмом помещиков, измывались над ними жестоко холоуи царские—урядники и стражники, выколачивали из них подати нагайками, в холодной за вольный дух морили.

У помещика земли было видимо-невидимо, а у крестьянина—тощий, голодный надел. Помещик пух от жира, а крестьянин от голода; *помещичьи земли руки крестьянские за гроши вспахивали, а сам помещик от трудов крестьянских рубли в карманы загребал.* Богач-дворянин ни копейки податей не платил, а крестьянское бедное сословие так и называлось *подагным*. Царское правительство в темноте, в нищете, в грязи и в загоне держало крестьян. Ему было невыгодно, чтобы крестьянство уму-разуму научилось; ведь, оно тогда бы поняло ту нехитрую истину, что *нищета крестьянская—не от Бога, а от царя и помещиков*; не просветить, а затуманить мозги крестьян старалось оно. Поэтому и было у него такое правило: школ поменьше, а кабаков побольше. Да и в школах-то заставляло оно попов малым ребятишкам всякими баснями головы морочить. Кабатчики царские отравляли тело крестьянина вином, а душеприкащики царя—попы—ядом лжи отравляли крестьянскую душу. *Казенная монополия и казенная церковь—одному и тому же делу служили—царю и помещикам на пользу, рабочим и крестьянам на погибель.*

Так было при царе. Так осталось и при временном правительстве Керенского. Керенский мастак был рабочих и крестьян за нос водить. Так и проводил до тех пор, пока его самого рабочие и крестьяне не прогнали и не поставили у власти своих *Советов*.

Что же сделала *Советская власть* для крестьян? Она *отобрала у помещиков всю землю, усадьбы, скот и инвентарь*, объявила все это народным достоянием и *передала в пользование крестьянам*. Она выгнала из деревни всех царских и барских холопов. *Нет больше бар над крестьянином, нет и холопской плетки над его спиной.* Не надо ему больше перед земским и становым шанку ломать, не надо к уряднику на поклон идти. Сам крестьянин в своей деревне хозяин. Раньше к власти его и близко баре не подпускали, а теперь сам он—*власть* и выбирает кого хочет, чтобы волостными, уездными, губернскими и даже всероссийскими делами правил..

Налоги, которые раньше почти всей своей тяжестью на крестьянскую бедноту ложились, *Советская власть* теперь так распределяет, чтобы тот, кто богаче, больше платил, кто беднее—поменьше, а бедняков и совсем от налогов освобождает.

Вместо кабаков *Советская власть* в деревне школы, клубы, библиотеки устраивает, газеты

и книги издает, понятные для простого неученого люди, чтобы вывести деревню из темноты, чтобы научить крестьян не через барские и поповские туманные очки на свет смотреть, а своими собственными ясными глазами.

Для того же, чтобы уничтожить в корне старый обман, отделила Советская власть церковь от государства и школу от церкви.

Это значит, попросту говоря, что всякая вера теперь свободна; старовер ли ты, духобор ли, лютеранин, магометанин, православный, — будь чем хочешь. А только никаких тебе особых прав за то, что ты православный, от государства не положено. Нет теперь казенной веры, как нет и казенного вина. Поповская совесть теперь — непродажный товар; нельзя за нее ни денег, ни милости, ни почета получить. Это и для попов хорошо: не надо им лезть теперь в царство небесное сквозь игольное ушко, а беднякам от этого в царстве земном куда легче живется: не приходится им больше лезть в петлю богачей по лживому поповскому слову.

Советская власть и рабочие.

В прежнее время так же, как помещик у крестьянина, фабрикант у рабочего на шею сидел. Пользовался он тем, что рабочему со своим единственным капиталом — мозолистыми руками кроме фабрики некуда деться, и покупал рабочую силу за голодную плату, а сам на этой рабочей силе жир себе нагуливал. Заставлял он рабочего по 12—16 часов в сутки работать. А бастовать рабочий не смел: тюрьма ему за это грозила. Правительство не давало фабриканта в обиду рабочему, а фабрикант рабочего мог, сколько хотел, обижать. Заболел рабочий, терял силы от старости, и выбрасывали его вон, как собаку: «околевай с голоду». Не заботилось старое правительство и об охране жизни и здоровья рабочего. А о том, чтобы рабочие союзы, клубы, собрания допускать, так об этом и думать не смей; все это вольнодумством считалось.

И жилось тогда рабочему хуже, чем рабу подневольному.

А что дала Советская власть рабочим?

Она отняла у капиталистов фабрики и отдала их в управление самим рабочим.

Никто теперь рабочего не обижает, никто на его шею не сидит; свободный он труженик, в свободной стране. Уже не фабрикант-самодур, а само рабоче-крестьянское государство ему за труд платит, через профессиональные рабочие союзы о всех нуждах справляется и само следит за тем, чтобы заработная плата была справедливой, чтобы она от дороговизны не отставала. Нигде в мире не было такого случая, чтобы по декрету правительства рабочим во всей стране заработок прибавлялся. А у нас это было не раз.

И об охране труда печется Советская власть, старается жизнь рабочего от всякой опасности во время работы оградить, женский и детский труд особыми декретами охраняет. Рабочее время теперь сокращено до 8-ми часов. Значит, есть теперь у рабочего досуг. Может он вволю и отдохнуть, и книжку почитать, и в клуб, и в театр и на митинг пойти. Не рабочая машина теперь он, а человек. Во время болезни дается рабочему пособие на лечение; а потеряет он трудоспособность — не выбросит его вон, как негодную ветошь, рабоче-крестьянская власть, а обеспечит его старость пенсией, за прошлый труд его справедливо наградит.

В Советской России всякий ил. е. л. право на труд. Поэтому всякий, кто не по своей вине работу потеряет, может пользоваться от государства пособием;

не как милость, а как долг он это пособие от государства получает.

И о просвещении рабочего заботится Советская власть. Места в театрах — в первую голову ему; митинги, концерты, книги, газеты, школы, университеты, выставки — все для него.

Дети рабочего бесплатно в школах учатся. Бесплатно и кормит их государство.

Где, в какой стране это видано?

Нигде и ни в какой.

Потому что Россия — первая страна, где власть першла к рабочим и крестьянам, где все блага жизни отданы в руки творцам жизни — труженикам города и деревни, потому что в России — не власть царя, не власть государственной думы, не власть учредилки, а власть Советов.

Н. Горлов.

Песня.

Эй, разбирайте винтовки —
Близок решительный бой,
Сильным, и смелым, и ловким
Будет рабочий любой...
Помните, праздновать рано,
Чтоб не случилось беды.

Чтоб не вернулись тираны —
Эй, становитесь в ряды...
Только умелый и ловкий
Справится с рабьей судьбой, —
Эй, разбирайте винтовки,
Близок решительный бой.

Хромов.

Раздавите гадину

Кто исподтишка, за углом, марает стены грязными словами: «бей жидов»?

Кто с хитрой улыбочкой нашептывает эти слова на ухо, а то и громко проповедует их? Кто?

Белогвардейцы.

Не смеют они прямо подойти к красноармейцу, крестьянину или рабочему и сказать: «Мы—за буржуев и помещиков. Бей крестьян и рабочих».

Знают, что за это голову сломят, вылетят на тот свет «легче пуха».

И вот идут обходным путем.

Для черносотенного сброда—это старый испытанный путь.

Всегда, когда рабочие и крестьяне требовали свободы, земли и лучшей доли, царские жандармы кричали во всю свою казенную глотку: «жиды делают революцию!» и устраивали кровавые погромы бедноты.

Николай кровавый сыпал сотни тысяч и миллионы народных денег на погромную агитацию. Ему, его попам, его сыщикам и помещикам-золотопогонникам это было нужно.

Старая воровская повадка! Когда за вором гонятся, сам вор, чтобы сбить с толку преследователей, кричит: «держи вора!»

Царские генералы и адмиралы, чиновные прохвосты и просто проходимцы, которые воюют с рабоче-крестьянской Россией, пользуются и теперь этим приемом, как и в старые времена.

Колчак заводил свою армию погромными листками. Деникин, Петлюра, бело-эстонцы, поляки вперегонки стараются затравить «жидов»—коммунистов. Повсюду, на каждом шагу они оставляют кровавый след погромов.

Десятки тысяч убитых евреев-бедняков на Украине, на Дону и в других местах и *сотни тысяч* растерзанных руками палачей русских крестьян и рабочих—вот их след!

Они делают вид, что громят еврейскую буржуазию. На деле они с ней в дружбе. Еврейские буржуа (например, кадет Винавер у

Деникина) состоят у них в правительстве. Сами они сидят по уши в кармане у многих и многих еврейских банкиров, орудующих в лагере «союзников».

Им нужен раздор между трудящимися, чтобы, пользуясь их слепотой, сесть им на шею.

На Украине Махно и Григорьевы продолжили путь царскому генералу Деникину.

Для Деникина же «несть ни эллина, ни иудея»: все бедняки равны перед виселицей и казацкой нагайкой.

Красная армия защищает интересы трудящихся всех наций, всех стран.

Оттого у ней с каждым днем все больше и больше растет число друзей и союзников во всех странах.

Оттого у ее врагов в «союзниках» все отъявленные грабители и разбойники.

Республика рабочих и крестьян не дает преимуществ ни одной нации, все равноправны. Но зато только тот, кто трудится, имеет право на жизнь.

Это-то и не по сердцу старым царским псам и мошенникам-спекулянтам.

Все свои силы кладут они на то, чтобы затемнить сознание крестьян и рабочих. Сеют свой ядовитый обман даже в армии. Нужно раздавить погромную гадину—раздавить анти-семитизм.

Каждый сын трудового народа, каждый красноармеец должен бороться с этими удушливыми газами золотопогонной своры. Для белогвардейцев—это самый короткий путь к власти: отравить сознание борцов и взять их голыми руками.

Развернем же шире наше знамя рабочего Интернационала, международного братства трудящихся всех стран в борьбе с капиталом. К этому зовет наш долг.

Помните!—Погромщики строят трон кровавым палачам из трупов бедноты.

— «Мир—между нами.

Война—палачам!»

Егор Красный.

Походная песня.

В ряды, угнетенные, голые, бедные!
Сюда с чердаков, из подвалов, углов!
Лавиной несметною в битву победную
С господством банкиров, попов, кулаков!
Выше знамя! Выше знамя!
И теснее красный строй!..
Строим с боем. Строим сами
Храм Коммуны Мировой.
Мы мезтью и гневом великим объаты—
Забитый, ограбленный люд трудовой.
С врагом ненавистным и трижды проклятым
Мы рвемся в отчаянный, пламенный бой.
Выше знамя! Выше знамя!
И теснее красный строй!..
Строим с боем. Строим сами
Храм Коммуны Мировой,

Растут каждый миг наши красные силы...
И скоро, и скоро заполним весь мир.
Мы роём, мы роём повсюду могилы
Для всех, кто пирует грабительский пир...
Выше знамя! Выше знамя!
И теснее красный строй!..
Строим с боем. Строим сами
Храм Коммуны Мировой...
Мы будем с врагами тогда только квиты.
Во прах когда мир буржуазный сметем.
Товарищи, в битву! К стене, паразиты!
Чу, слышите гром! Мы идем... Мы идем...
Выше знамя! Выше знамя!
И теснее красный строй!
Строим с боем. Строим сами
Храм Коммуны Мировой.

Дорогойченков.

ГЕРОИ и МУЧЕНИКИ КРАСНОЙ АРМИИ

I. Акчуринцы.

Их было 112 человек рабочих Акчуринских фабрик, которые встали в ряды Красной армии после освобождения Симбирской губернии от чехо-словацких банд.

Они поклялись стоять до конца за рабоче-крестьянское дело. Из них создали особую роту, и они сдержали свою клятву.

В бою иногда улыбается счастье легкой победы, когда одним натиском опрокидываются ряды противника; бывают и трудные моменты, когда с малыми силами приходится отражать грозный натиск врага.

Акчуринцы попали в кольцо противника. Они были окружены превосходящими силами казаков. В этом кольце они были целый день. Все патроны были израсходованы, и с одними винтовками они отбили натиск казаков. Разъяренные казаки беспрерывно сжимали все кольцо, стараясь раздавить, уничтожить маленькую кучку красных героев-коммунистов. Но железные ряды маленькой кучки защитников революции штыками расширяли кольцо, нанося поражение противнику сво

ми ударами. Беспрерывно трещал пулемет противника. Но акчуринцы заставляли подаваться назад редущие ряды казаков. Поле битвы было усеяно трупами.

Казалось, вот-вот красные герои по вут вражеское кольцо, но ураганный огонь сбивал наших бойцов.

Озлобленные казаки наступали на у и их и раненых. Убитых они рубили на куски, но раненые товарищи, истекавшие кровью, не давались живыми в руки палачей.

При приближении казака раненый товарищ с возгласом: — «Това и ци, держитесь» бросал бомбу под себя и тем самым добивал себя, а противнику наносил поражение.

Из ста двенадцати человек красных героев осталось в строю 67 человек.

Но эти 67 собрали последние силы и решительным натиском прорвались через фронт к нашим позициям. На поле битвы осталось 55 акчуринцев и свыше 300 казаков.

Красная армия запишет золотыми буквами историю этого геройского боя. Слава живым, вечная память погибшим героям-акчуринцам!

II. Смерть красного командира.

Мы, красноармейцы особого боевого отряда, извещаем вас о геройской смерти нашего командира, красного офицера тов. Богданова, погибшего в бою с польскими белогвардейцами.

Дело было так: 4-го числа, в 10 часов утра, наш отряд получил приказание выступить на позицию.

Неприятель показался спереди, численностью превышая нас в два или три раза. Завязался бой, который длился около двух часов, и, несмотря на перевес сил противника, наш отряд оказался победителем. Наш командир был ранен в левую руку, но он попросил товарища красноармейца перевязать ему руку и снова принял команду над нами.

Спустя час с тыла появилась неприятельская кавалерия; у нас снова завязался бой. Наши ряды стали скоро убывать, не осталось ни одного пулеметчика, и тов. ротный с раненой рукой принялся бить из пулемета по неприятелю. Он стрелял до тех пор, пока у него не вышли все пулеметные ленты. Когда мы стали отступать, он схватил пулемет и потащил за собой, в это время на него налетел белогвардейский офицер, он убил белогвардейца из револьвера, но тут попали на него два кавалериста и один из них отрубил ему голову.

Так, на наших глазах, с отвагой защищая революцию, погиб наш вождь и товарищ красный офицер.

Много было таких случаев в жизни, но больше писать не могу, я больной и ранен в ногу.

Красноармеец Матвей Борисов.

Смертью славных.

На южном фронте пал комиссар Н-ского полка Александр Языков.

Его близкие товарищи пишут о нем:

Он всегда выделялся среди нас своею горячностью с им стремлением всегда бросаться вперед в самую опасную минуту. Он всецело отдавался делу, за которое брался. Опасности для него не существовало.

Он умер, как и жил, — в бою.

Он был изрублен белогвардейцами или застрелился сам, попав в плен.

Память о нем не изгладится среди всех тех, кто его знал.

Слава герою!

ПОЧТА КРАСНОАРМЕЙЦА

Тов. Василевичу. Вы жалуетесь, что ротный староста дал вам пять нарядов за уход из казармы без увольнительной записки. Правильно! Красноармеец должен соблюдать свой устав. Если не соблюдать правил, то армия не будет годна к бою, много человеческих жизней пропадет зря, а русский народ попадет опять в кабалу царским генералам и помещикам. Еще вы жалуетесь, что жалования не хватает и паек в $\frac{3}{4}$ фунта хлеба мал. Стыдно, тов. Василевич! Посмотрите, как живут в Москве рабочие. Как бы каждый из них был рад иметь ваш паек. Что касается вашей семьи то ей должны выдавать пособие согласно последнему декрету в размере 360 руб., в виду того, что в семье 3 нетрудоспособных члена.

Тов. Костину. Вы правильно понимаете, что такое Красная армия, и редакция журнала „Красноармеец“ приветствует Вашу готовность кровью своею отстаивать освобождение трудящихся масс от ига капитала.

Тов. Козловскому. Вы пишете: „Крестьяне говорят, что Советская власть на бумаге им нравится, а на деле — нет, что в декретах хорошо напишут, а на деле выходит совсем иначе, что комиссары то-и-дело к стенке запугивают и до того довели, что крестьяне боятся спросить мандат, и любой бандит, приехавший с оружием в руках и назвавший себя комиссаром, может натворить столько бед и так возмутить против Советской власти, что потом трудно разобраться“.

Ответ редакции. Так было, но так не будет. Центр. Советская власть решила принять крутые меры против тех комиссаров, которые обижают крестьян. Везде создаются „Бюро жалоб“, где всякая жалоба будет выслушана, и комиссары-самодуры будут наказаны. Сам председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета тов. Калинин, теперь всю Россию объезжает и вся-

кого крестьянина выслушивает. И теперь крестьяне уже знают, где им найти управу на комиссаров-своевольников.

Тов. Соколову. Вы хорошо сделали, что написали нам о безобразиях, творимых Н-ским полком. Если Ваши слова подтвердятся, то против их хулиганства будут приняты меры, и они не смогут больше позорить честное имя красноармейца.

Тов. Бондареву. Вы описываете все свои злоключения на жел. дороге. Вагоны набиты как сельди, на буферах и то нет места, лезешь на крышу, оттуда стаскивает вооруженная милиция. А в это время видишь, как проходят международные вагоны, а в них нарядные военные во френчах и расфранченные барыни. Вы спрашиваете: „Кто те нарядные барыни, что сидят в международных вагонах, из-за которых опаздываешь на службу?“

Ответ редакции. До самого последнего времени международные вагоны принадлежали частному обществу, и в них ездили те, кто могли заплатить за билет; да еще раздобывать его приходилось по знакомству. Вот и ездили в них расфранченные барыни. В настоящее время вагоны эти национализированы, и теперь там будут ездить люди, командированные по срочным и важным делам республики. Предоставить международные вагоны всем красноармейцам невозможно по той простой причине, что вагонов этих в республике очень мало. Советская республика всячески старается идти навстречу желаниям красноармейцев, и вообще всех трудовых элементов, устранить всякое неравенство. Сразу всего не добьешься; только когда мы вырвемся из петли, в которой нас душат царские генералы и иностранные буржуи, не придется нам больше ездить на крыше и буферах. Только после победы над белогвардейцами создадим мы равные для всех удобства жизни.

Тов. Фарину и Покровскому. Не подходит.

Страничка Шутки и смеха.

НОВЫЕ БАСНИ КРЫЛОВА.

Квартет.

Французская мартышка
 Вильсон, Ллойд Джордж.
 Да итальянский Мишка
 Затеяли сыграть квартет.
 Достали фраки, ноты, скрипки,
 В Версале собрались под липки
 Пленять своим искусством свет.
 Расставили солдат, увесистые пушки,
 Уселись радостно на Сомочной опушке,
 Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
 «Стой, братцы, стой!»—вскричал тут Клемансо,—
 Мы вертим шар земной, как белка колесо,—
 Поверьте мне, я старая мартышка,
 Устроим Лигу мы—и всем канальям крышка».—
 «Так, так!»—вскричали с двух сторон
 Лиса Ллойд-Джордж и старый волк Вильсон.
 Устроили и взялись за смычки—
 Не музыка... Чорт знает что такое,—
 То Польша лает, то Чехия мутит,
 Румыны-дьяволы, хоть на куски их режьте,
 Устроили грабеж в злосчастном Будапеште,
 Не слушаются, нет ни капельки почтения.
 От Колчака—лишь пух, в Ирландии во пеньях,
 Ну, словом, музыка не очень хороша.
 Зубами щелкают, играют как понало,
 Глядят друг дружке в очи не дыша
 И чувствуют—не избежать скандала.
 Тогда, не в силах вынести мерзкий шум,
 Пришел рабочий дерзок и угрюм,
 Все разломал смычки, разбил о камень
 скрипки.
 Удрали мастера, кто в кусты, кто под липки,
 Не стало музыки, бы а их песня спета,
 Не стало на земле мартышкина квартета.

Издан Александр Спасский.

II.

Волк на псарне.

Однажды белый в лес, решив залезть в овчарню,
 Попал на псарню.
 А было дело так:
 Снятельный Колчак,
 Набрав полки помещичьих детей,
 Со сворою шпиков и царских генералов
 Пустился в путь от дикого Урала
 И к Волге матушке пошел под свист плетей
 Забрал с н Пермь, Уфу, торговые посады,
 Уж были казаки водиче волжской рады,

Но тут-то красные, почуяв забияку,
 Схватились за штыки и рвутся все на драк.
 Раздался красный клич и двинул в бой полки—
 Куда тут о воде, теперь не до реки,
 Скорей бы унести подальше волчьи ноги!
 Бежит Колчак назад, все спутались дороги...
 Тогда решив, что все один лонец,
 Что надобно расчесться за овец,
 Пустился с красными тотчас в переговоры:
 «Побойтесь Бога вы, да разве волк таков,
 Да я от старости лишился всех зубов,
 Люблю лишь вас неистово и пылко,
 Милее всех лишь вы и с вами—Учредилка.
 Я в мыслях не имел ни крови ни злодейства,
 Хочу лишь быть отцом родимого семейства.
 Друзья мои, к чему весь этот бранный шум,
 Я ваш старинный сват и кум,
 Пришел мириться к вам, совсем не ради
 ссоры,
 Я красным всей душой до смерти буду рад,
 Забудем прошлое, уставим общий лад...»—
 «Хоть ты и адмирал, а дурья голова,—
 Тут красный командир прервал его слова,
 Словам помещичьим ничуть не доверяю
 И волчью я давно натуру вашу знаю,
 А потому обычай мой:
 С волками иначе не делать мировой,
 Как сня шишку с них долой!»
 И тут же красные приволжские войска
 Расшибли царского холопа Колчака.

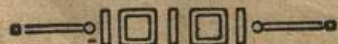
Издан Александр Спасский.

Злободневная шарада

Мой первый слог сражался за свободу,
 Украсив знамя пламенной борьбой.
 Двинулся белый свет отважному народу,
 Что с хищной Англией вступил в неравный бой
 Второй мой слог бросаю мы обжоре,
 Когда, наполнив рот, стоит он сам не свой,
 Волсь передохнуть, с тоской в шутилом взоре
 И, белыми вышучив, мотает головой.
 А целое питается, как прежде,
 Набив свою мошну, шипит исподтишка,
 Клеветает на народ и в трепетной надежде
 То ждет Деникина, то жаждет Колчака.

Фэдет, да не тот.

Ответ на след. странице.

Капиталист и его три генерала.

Три у Капиталиста наймита, три славных генерала—Колчак, Юденич и Деникин.

Зовет Капиталист к себе своих генералов, открывает перед ними мешки с золотом и говорит им:

— Слуги мои верные! Возьмите денег, сколько вам понадобится, наберите людей поподлее и поглупее и двиньтесь на Русь Советскую, на Русь рабочую мужицкую.

— Ты, Колчак, пойдешь с Востока! Сибирь—страна богатая. Леса там дремучие, непроходимые. Хлеба там угол непочатый. Реки моговодные и много-рыбные. В недрах земли хранится столько золота, чугуна и меди, что и во сне столько не снилось англичанину. Постарайся отнять Сибирь у Советской России. Буду доставлять „союзникам“ хлеб, лес, рыбу и металлы. Потекут денежки в наши карманы. Заживем с тобой, Колчакушка, на славу,

— Ты, Деникин, наступай с Юга! Много на Юге угля, нефти, сахару и всякого другого добра. Хорошо на Юге. Море плещет. Благоухают сады. Цветут виноградники. Набьем карманы, Деникинушка, а там под плеск черноморских волн в како-нибудь Ялте будем отдыхать на берегу моря, попивая винцо. Постарайся, Деникин. Пострайся, славный мой превосходительный слуга.

— Ты, Юденич, поведи полки свои на Север. Небогат Север ни хлебом, ни золотом и никакими другими дарами природы. Но на Севере угрюмом и мрачном раньше, чем везде, показалось Красное Солнце... На Севере зародилась Советская власть и там она крепко си-

дит в сердцах у людей труда, крепко сидит... Задуши, Юденич, Север. Разруши очаг великой революции, и велика будет заслуга твоя передо мной и моими братьями капиталистами. Вперед, Юденич!

Отпустил Капиталист своих генералов, сел на свои мешки с золотом и стал ждать.

Недолго пришлось ждать...

Снег на землю валится, Колчак бешено мчится...

— Завоевал Сибирь? — нетерпеливо спрашивает Капиталист.

— Нет, не завоевал. Там Красная армия и Троцкий...

— Где твоя армия?

— Разбита. Полки частью вз ты в плен, частью они сами переходили на сторону красных. Остался я один.

— Один?!

— Один... Я бежал быстрее оленя. Спрячь меня, хозяин. Да и сам спасайся...

Снег на землю валится, Юденич бешено мчится.

— Задушил Север?

— Нет, не задушил... Там Красная армия и Зиновьев...

— Армия твоя?..

— Разбита. Я один спасся бегством. Спрячь меня и спасайся сам... Нам наступает конец.

Снег на землю валится, Деникин бешено мчится.

Капиталист уже не спрашивает ни о чем, а безнадежно машет рукой и принимается укладывать свои чемоданы.

Его три наймита, три славных генерала, уныло следуют за ним.

Решение загадки: Бур-жуи.

О. Л. Д'Ор.

Антанта.

По пояс утопая в крови,
Антанты злобная орда
Глядит, насупив мрачно брови,
На землю вольного труда

Таки Антанта мысли злые,
Мечтая злобно по часам
Отдать Советскую Россию
На расперзанье хищным псам.

В угоду разжиревшей клике,
Свободы распоттавшей флаг,
Рычат Юденич и Деникин,
Рычит голодный пес Колчак.

И, запах золота почуя,
По ветру наострив носы,
В защиту мировых буржуев
Остервенело лезут псы.

Но мощная рука рабочих,
Подняв высоко красный стяг.

Как сор отбрасывает прочь их,
Скрепляя каждый шаг.

Трещат по швам Антанты планы,
Борьба — что день, то горячей;
Пустеют без-толку карманы
Господ союзных богачей.

На псов надежды очень мало,
Победы путь не так уж прост:
Колчак расшибся близ Урала,
Бедняге отдавили хвост,

Подшибли глаз, помяли лапы:
Скулит облезлый пес Колчак,
Глядят союзные сатрапы
На красный заповедный флаг,

И с грудой рент и облигаций,
Решая все дела втроем,
Сидит уныло „Лига Наций“
В собачьем обществе своем.

Издатель:

Литер.-Изд. Отд. Полит. Управл. Резвоен. Сов. Республики.

Редактор:

Редакционная Коллегия